ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 05.12.2022 | Хенрик Майер

Внешняя политика Турции a la carte

Турция вступает в союзы и приостанавливает их, укрепляет и ослабляет. Это может показаться хаотичным, но Эрдоган знает, что делает.

На саммите «Большой двадцатки» на Бали ключевую роль сыграла сила образов: самые влиятельные лидеры мира сидят под пальмами и в тени статуй Будды, в больших или конфиденциальных группах. Впрочем, самый любопытный момент саммита произошел при участии канцлера Германии Олафа Шольца и президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. После того как на территорию Польши упала ракета, главы государств и правительств по инициативе президента США Джо Байдена незамедлительно встретились и обсудили ответные меры. Рассматривался пункт о взаимной обороне, если выяснится, что ракета была выпущена Россией по территории НАТО. После встречи Шольц заявил, что этим вопросом занялись партнеры по НАТО, хотя Эрдоган, президент страны со второй по численности армией НАТО, в ней не участвовал. Позже Эрдоган лаконично заявил, что не обязан посещать маловажные встречи.

До сих пор неясно, случился ли промах в коммуникации, недоразумение или это было преднамеренно. Тот факт, что такой инцидент не стал большой неожиданностью для большинства наблюдателей и даже для вовлеченных в него участников, и что он не имел каких-либо значительных последствий, указывает на огромную проблему, с которой столкнулся трансатлантический оборонный альянс. А именно – что некоторые союзные государства склонны уходить в сторону и вести себя нерешительно. Это «гибридные партнеры», которые, с одной стороны, являются союзниками, но с другой – их поведение уже не воспринимается как соответствующее нормам Альянса. Это явление затрагивает не только НАТО, а НАТО – не только Турцию. Однако пример Турции делает проблему особенно ясной.

Отдаление Турции от НАТО

Турция уже не впервые становится источником серьезного беспокойства послов в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Это также

связано с тем, что страна имеет особый статус в рамках Альянса. С самого начала нападения России на Украину профессиональные издания, военные и политики справедливо неоднократно указывали на важность Турции как партнера по Альянсу. Юго-восточный фланг НАТО уходит вглубь геостратегически важного и латентно нестабильного региона Ближнего Востока. При этом Турция выступает там как причерноморская держава и противовес России. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш и даже президент Украины Владимир Зеленский редко упускают возможность польстить Турции и ее президенту. И все же похоже, что Турция уже давно отошла на второй план среди членов Альянса. Ее отсутствие на консультативных переговорах на Бали стало лишь последним примером в длинной череде разногласий, кризисов и скандалов, ставших типичными для отношений в последние годы.

Общее разочарование в Турции заметно не только в НАТО, но и во всех других западных альянсах и институтах

Отчуждение Турции от НАТО достигло апогея в 2017 году, когда страна купила у России ракетную систему С-400 вопреки заявленной воле членов НАТО, особенно США. В ответ США по-прежнему сдерживают поставки истребителей F-35, за которые Турция уже заплатила, что является беспрецедентным шагом между союзниками. И все же этот случай не стал единичным: в этом году, когда Россия начала нападение на Украину, президент Турции не только высказался против санкций в отношении России, но и активно пытался найти способ их обойти, что осудили и европейские, и заокеанские партнеры. Тот факт, что Турция изначально выступала против вступления Швеции и Финляндии в НАТО и по сей день не ратифицировала его, несмотря на принципиальную договоренность, которая сейчас достигнута на уровне глав правительств, вызывает лишь общее раздражение внутри Альянса.

Разочарование в Турции в целом заметно не только в НАТО, но и во всех других западных альянсах и институтах. Возьмем, к примеру, ЕС. Сопредседатель Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Ларс Клингбайль и канцлер Олаф Шольц, независимо друг от друга, недавно подчеркнули важность укрепления ЕС и его большего геополитического позиционирования. Это также включает в себя стратегическое расширение ЕС. Оба они называют Западные

Балканы, Молдову, Украину и даже Грузию в качестве потенциальных членов ЕС. Турция, которая является кандидатом на вступление с 2004 года и давно связана с единым европейским рынком через Таможенный союз, больше в этом отношении даже не упоминается.

Результат политического расчета

Турция поставила себя в такое положение, в частности, вследствие своей внешней политики. Но это больше, чем результат преднамеренных или даже иррациональных действий. Если рассмотреть Турцию объективно и без морализаторства, можно обнаружить закономерность. Максимальная гибкость в политике союзничества никоим образом не ограничивается сферой военного сотрудничества, а четко соответствует внешнеполитической повестке дня турецкого правительства.

Турция в последнее время довольно активно участвует во всевозможных других международных форумах: альянсах, платформах, региональных организациях и других объединениях. Эрдоган произвел фурор в Самарканде в середине сентября 2022 года, когда вскользь заявил, что Турция хочет стать членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – организации, которая в своем уставе определила сдерживание сферы влияния НАТО как один из пунктов своей политики. Чуть позже президент Турции – член ОБСЕ – появился на саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Астане, Казахстан. К этому списку можно добавить и другие пункты: Турция, которая является членом Совета Европы дольше, чем Германия, также является активным членом Организации экономического сотрудничества (ОЭС), Организации исламского сотрудничества (ОИС) и Организации тюркских государств, и это лишь некоторые примеры.

Наблюдателям и даже союзникам трудно в этой смеси союзов уследить за всеми экономическими, военными и культурными претензиями. Турция же очень хорошо знает, из какого форума какую выгоду она может извлечь. Это единственная возможная цель. Такое разнообразие союзов позволяет президенту Турции выбирать из внешнеполитического меню в зависимости от текущих потребностей. Союзы заключаются или откладываются, укрепляются или ослабляются, подчеркиваются или скрываются в соответствии с собственными интересами Турции. Пока Турция способна зарекомендовать себя как ценный член Альянса, она может строить на этом политический капитал. Именно этим и занимается турецкое

правительство, и многие государства смотрят на Анкару с восхищением.

Поведение Турции является выражением изменившегося миропорядка, полюса которого одновременно становятся все более многочисленными и теряют четко очерченные контуры. Эпоха глобального дуализма давно прошла; идея мира без лидеров не выдерживает проверку реальностью. Глобальные и региональные субъекты формируют союзы, обхаживают союзников и пытаются организовать мир в сфере влияния в соответствии со своими идеями. Неслучайно Турция, находящаяся между Европой, Россией, Кавказом, Центральной Азией, арабским миром и Африкой, является желанным гостем на крупных мероприятиях любого рода. Эрдоган умеет разыгрывать свои карты, не обращая особого внимания на исторические союзы. Он заходит в этом поведении дальше, чем многие другие, и все же можно с уверенностью предположить, что это больше, чем просто его личный выбор тактики.

Европейская реакция

Как ЕС и НАТО должны относиться к этой форме Realpolitik? Полезно сосредоточиться на главном мотиве непоследовательных действий, а именно на внешнеполитических интересах. Трезвый взгляд поможет понять, какие красные линии не переступят даже неуверенные в себе союзники. В то время как призывы к морали и нормам действия не возымеют, в отношении Турции следует четко указать: членство в НАТО – не единственная гарантия безопасности во внешней политике, но все же самая важная. Если есть сомнения, НАТО – единственная надежная защитная стена от извечного евразийского соперника Анкары – России. То, что может показаться противоречивым в свете некоторого сближения Турции с Россией с начала войны в Украине, с точки зрения Эрдогана следует логике сближения и сдерживания. Только защита со стороны НАТО дает Турции возможность сидеть на двух стульях. Соперничество с Россией привело как к членству в НАТО, так и к мягкой линии поведения с Путиным – позиции, которая смущает Европу.

Обратной стороной такого трезвого анализа интересов является понимание того, что даже после Эрдогана Турция вряд ли захочет делать ставки на одно направление во внешней политике. НАТО или ШОС, ЕС или ОЭС: скорее всего, в будущем Турция продолжит взвешивать приоритеты, не отдавая предпочтения никаким эксклюзивным союзам. Политика и/и, изменчивая политика союзов и гибридные партнерства – явления, характерные

для эпохи Zeitwende.

Европа должна подготовиться к тому, чтобы сделать предложение, которое помимо бессрочного статуса кандидата в члены ЕС предоставит Турции подлинную европейскую перспективу

Возможно, это далеко от идеальных партнерских отношений, но позволяет сформулировать осмысленную внешнюю политику. Будь то Турция при Эрдогане, США при Дональде Трампе, Италия при Джордже Мелони или Франция – как, возможно, следует ожидать – под руководством Национального объединения: простого призыва к союзническо-политической или даже основанной на ценностях солидарности уже недостаточно. По мере того как значение альянсов возрастает, их внутренняя согласованность, в свою очередь, снижается.

Честный анализ скрытой динамики и интересов еще не является реакцией, но именно на основании этого анализа можно разработать политические предложения. Впереди важные месяцы для Турции. Парламентские и президентские выборы состоятся не позднее июня следующего года. Во времена экономических и валютных кризисов шансы оппозиции положить конец 20-летнему правлению Эрдогана высоки как никогда.

Теперь Европа должна подготовиться к тому, чтобы сделать предложение, которое помимо бессрочного статуса кандидата в члены ЕС предоставит Турции подлинную европейскую перспективу. Членства в Европейском политическом сообществе, которое воспринимается как «вторая лига ЕС», для этой цели недостаточно. Только если предложение Европы будет в минимальной степени отвечать интересам Турции, она может пересмотреть свою приверженность Альянсу. Эта перспектива, хотя и не кажется особенно интересной, все же будет постепенным внешнеполитическим успехом, который может стать примером развития конструктивных отношений с «гибридными» партнерами.



Хенрик Майер

Хенрик Майер (Henrik Meyer) – руководитель отдела "Европейский союз и Северная Америка" Фонда им. Фридриха Эберта. До этого он возглавлял представительство Фонда в Стамбуле и Тунисе.